

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

**СТАРЫЙ ВОР,
НОВЫЙ МИР**

Сергей Зверев

Старый вор, новый мир

«ЭКСМО»

2010

Зверев С. И.

Старый вор, новый мир / С. И. Зверев — «Эксмо», 2010

Вор в законе Монах – один из последних «честных бродяг», оплот воровских понятий. Его репутация в блатном мире безупречна, а авторитет его огромен. Да только вот времена нынче другие, и почти никто уже не живет по понятиям. Воры имеют собственность, причем немалую, заводят семьи, ведут легальный бизнес, сотрудничают с властями... При этом некоторые торгуют наркотиками, что по понятиям запахло. Один из таких «новоделов», Леха Дюк, давний приятель Монаха, предлагает тому войти в дело по продаже наркоты. А когда Монах отказывается, пытается его завалить. Спасти старого вора может только чудо. Но помощь приходит неожиданно – причем с той стороны, о которой Монах и подумать не мог...

© Зверев С. И., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Зверев

Старый вор, новый мир

Пролог

Гнутая отмычка вошла в замочную скважину уверенно и спокойно, словно кинжал в ножны. Несколько оборотов – и солидная блиндированная дверь неслышно раскрылась. Молодой человек спрятал отмычку, осторожно выглянул в прихожую и сдержанно кашлянул:

– Алё, хозяева! Есть кто живой? У вас дверь не заперта.

В квартире никого не было.

Стараясь не шуметь, он защелкнул замок. Взгляд вошедшего невольно упал на попсовый настенный календарь с красотами Черноморского берега Крыма. «1990» – прорисовывалось из полутьмы прихожей. Поперечная полоска с плексигласовым квадратиком, сдвинутая на дату, свидетельствовала, что хозяин отсутствовал как минимум второй день.

Молодой человек почти бесшумно захлопнул дверь на защелку. Утопая по щиколотку в ворсе дивного ковра, шагнул в комнату, оценивая квартиру профессиональным взглядом. Несомненно, хозяин был человеком небедным: новенький видеоманитофон, несколько десятков импортных видеокассет, огромный японский телевизор, дорогая мебель... Что, впрочем, не удивительно. Как наверняка было известно незваному гостю, обладатель замечательного имущества работал завсекцией валютной «Березки» на Калининском проспекте.

Молодой человек исследовал квартиру тщательно и со знанием дела. От его внимания не укрылись ни книжная полка, ни тумба с телевизором, ни платяные шкафы, ни даже сливной бачок японского унитаза. Неторопливо осмотрел бельевые ящики и в одном из них, под стопкой простыней, обнаружил деревянную шкатулку. Содержимое впечатлило: кроме обычных у подобной публики золотых побрякушек и массивных рублевых брикетов, перевязанных аптекарскими резинками, тут хранилась и тонкая пачка столларовых купюр. Деньги и золото и стали главным уловом. Связываться же с остальным молодому человеку было не с руки. Уже направляясь к выходу, он услышал за дверью какой-то шум и насторожился.

На лестничной площадке негромко переговаривались мужчина и женщина. В замок с характерным щелчком вошел ключ, отчетливо провернулся механизм.

Грабитель поспешил в гостиную, обдумывая дальнейшие действия. И тут его взгляд упал на дверь маленькой кладовки. Войдя внутрь, молодой человек закрылся и затаил дыхание. В ноздри ударил острый запах каких-то химреактивов, и вор с трудом удерживался, чтобы не чихнуть.

А по квартире уже разносился переливчатый девичий смех, которому вторил нарочито-любезный мужской голос:

– Проходите, располагайтесь, а я быстро соображу что-нибудь на закуску. Бар там, в комнате, сами выбирайте, что будете пить.

– Я предпочитаю шампанское, – со скрытым кокетством отозвалась девушка, звеня перебираемыми в баре бутылками. – Да у вас такой выбор, что глаза разбегаются!

– Все, что душе угодно, – радушно проблеял хозяин квартиры. – Как говорится, любой каприз за ваши деньги.

Стоя в тесной кладовке, молодой человек осторожно осмотрелся. Вокруг было навалены груды каких-то тюков и целлофановых пакетов со шмотками. К запаху химреактивов теперь явственно примешивалась характерная вонь нафталина. Неожиданно начала затекать левая нога, и вор осторожно переместил центр тяжести на правую.

Тем временем из комнаты донеслась легкая музыка. Видимо, хозяин квартиры и его девушка решили пробыть тут подольше, чем планировал незваный гость.

Снаружи слышались шаги хозяина – он проходил как раз рядом с камеркой, где прятался вор.

– Барышня, идите сюда. Вы такие джинсы хотели?

Сквозь щель неплотно прикрытой двери молодой человек различил, как девушка пошла в соседнюю комнату. Впрочем, комната эта неплохо просматривалась и из кладовки.

– Неужели мой размер подобрали? – не поверила гостя.

– Надо примерить. Вот, – он протянул девушке пакет.

– Так сколько вы хотите за это?

– Двести пятьдесят рэ, – ответил хозяин и тут же добавил: – Но если вы примерите их при мне, я скину полтинник.

Девушка, на секунду задумавшись, решилась. Сбросив ситцевую юбку, она обнажила стройные ноги и беленькие трусики и принялась натягивать джинсы.

– Ну, как на мне сидят? – спросила она, обращаясь к мужчине.

– Может, еще одни померяете? По-моему, эти великоваты. Вот, – продавец из «Березки» протянул собеседнице очередную упаковку, – эти наверняка будут в самый раз. И примерьте вот эту кофточку, – мужчина вытащил из прикроватной тумбочки еще один сверток. – Если и это вы наденете при мне, то отдаю вам и джинсы, и ангорку всего за двести рублей.

Девушка замялась. Видимо, ей было неловко, с одной стороны, а с другой – очень хотелось прикупить модных тряпок с такой большой скидкой. Переборов естественное смущение, она решила, что ничего с ней не случится, если она продемонстрирует этому сомнительному знакомому и остальное нижнее белье.

Даже сквозь шелку дверей кладовки было заметно, что глаза хозяина квартиры подернулись масляной поволокой.

– Никогда еще я не встречал женщину, которую желал бы так страстно, как тебя! – с придыханием произнес он. – Хочешь, я все это тебе подарю? Только за один раз, а?

Говоря так, мужчина схватил гостью за плечи и повалил на кровать, срывая бюстгальтер. Девушка отчаянно отбивалась:

– Вы что? Зачем? Не надо, я прошу вас! Прекратите, не нужны мне ваши вещи, отпустите меня! – Голос постепенно, но неотвратимо срывался в плач.

Не обращая внимания на слезы, продавец «Березки» уже стаскивал с себя брюки. Вцепившись нетерпеливыми грабками в кружево ее трусиков, он с силой разорвал тонкую резинку.

– Один только разик, только чуть-чуть! – наседали хозяин квартиры.

– Пустите меня! Ну пожа-а-алуйста!.. – Девушка окончательно сорвалась в плач.

– Вот увидишь, тебе понравится!

Соппротивление несчастной лишь придало мужчине сил. Безусловно – в этот момент его остановила бы лишь мгновенная кастрация.

– Не-ет! – девушка закричала, почувствовав, что не в силах дальше сопротивляться.

И тут грабитель не выдержал и бросился в спальню. Одним прыжком очутившись около насильника, он схватил того за волосы и сбросил с несчастной. Мужчина попытался резко вскочить на ноги, однако ему мешали спущенные штаны, и он замешкался. Этого вполне хватило, чтобы вор нанес сокрушительный удар в челюсть насильника.

Хозяину квартиры показалось, что на него свалился бетонный потолок: перед глазами поплыли фиолетовые круги, в голове зазвучал нарастающий потусторонний гул.

Снеся спиной прикроватную тумбочку, на которой стояла стеклянная ваза для цветов, он отлетел в стену и медленно начал сползать на пол. Осколки разбившейся вазы захрустели под подошвами.

Девушка, пытаясь прикрыться остатками разорванного в клочья белья и часто-часто моргая длинными ресницами, уставилась на нежданного спасителя:

– Вы кто?

– Хрен в пальто, – буркнул в ответ молодой человек. – Давай цепляй манатки и вали отсюда как можно быстрее. Это тоже можешь прихватить, – он указал на две пары джинсов и ангорскую кофту, – ты их честно заработала. Только на будущее вбей в свою башку: прежде чем вестись у какого-нибудь похотливого быка на поводке, сперва хорошенько пораскинь мозгами, если только они у тебя не между ног.

Девушка не заставила себя просить дважды. Вскочив с кровати, она принялась натягивать на себя одежду. Прихватив заодно и обновки, которые едва не стоили ей слишком уж дорого, несостоявшаяся жертва насилия поспешно скрылась за полуоткрытой дверью.

Грабитель собирался последовать ее примеру. Он уже повернулся к выходу, когда ощутил сзади какое-то движение. Пришедший в себя барыга, зажав в руке острый осколок стекла, набросился на обидчика, нанеся коварнейший удар по левой щеке.

Кровавая полоса наискосок, от виска до подбородка, навсегда оставила память об этой встрече молодому вору. Однако он не растерялся, а резким ударом кулака вбил хозяина в стенку, схватил за волосы и принялся методично колотить головой об панель. Кровь из расщепленной раны заливала глаза, и вор окончательно разъярился. Он бил и бил мужчину, пока ему не показалось, что у того в голове что-то хрустнуло.

Уже расслабив хватку, молодой человек заметил, как хозяин квартиры в судорогах рухнул на ковер. Его лицо стало похоже на сырой антрекот, из разбитого рта потекла кровь.

Пнув лежащего ногой еще пару раз для профилактики в голову, вор вышел из квартиры, прижимая к распоротой щеке тряпичную салфетку...

* * *

Спустя полгода молодой человек вновь встретился с несостоявшейся жертвой насилия. Произошло это в зале суда Сокольнического района города Москвы. Обстоятельства сложились так, что продавец валютной «Березки» от полученных травм скончался на месте. Менты довольно быстро вычислили убийцу: его опознали соседи, а уж остальное было делом сыскной техники. И хотя девушка выступила свидетельницей защиты – мол, меня действительно собрались изнасиловать, – суд не счел ее доводы убедительными и не принял их в качестве смягчающих обстоятельств. К тому же погибший оказался двоюродным братом районного прокурора, и это решило многое, если не все...

По совокупности особо тяжких преступлений Фомин Валерий Николаевич, ранее судимый, был осужден сразу по нескольким статьям УК РСФСР на восемнадцать лет лишения свободы, которые и отправился отбывать в поволжскую колонию усиленного режима. Как и следовало ожидать, кассационная жалоба осталась без удовлетворения...

Глава 1

– ...Внимание встречающих, на третий путь прибывает скорый поезд номер тридцать четыре, сообщением Саратов – Москва, нумерация вагонов с головы поезда. Повторяю: на третий путь прибывает... – Монотонный голос диктора диссонансом перекрывал монотонный гомон толпы, хаотично двигающейся по перрону Павелецкого вокзала.

Скрипя тормозами и противно лязгая железом бамперов, запыленный темно-зеленый состав плавно остановился у платформы. Дождавшись, пока схлынула первая волна сутолоки и проход в вагоне освободится от бесчисленных баулов, сумок и путешественников, на перрон сошел мужчина лет около сорока пяти. Это был худощавый, среднего роста человек, одетый в старомодную брезентовую куртку. Отутюженные в стрелку черные брюки заметно контрастировали с рыжими стоптанными туфлями. Картину дополняла допотопная светло-серая кепка-блин, сдвинутая на затылок.

В нем можно было бы предположить обыкновенного туриста из российской глубинки, приехавшего поглазеть на диковинки современной столичной цивилизации, если бы не выражение лица. Огромный кадык, резко переходящий в подбородок с тонкой линией обветренных губ, строгий профиль и нависающие на глаза надбровные дуги – все это было обтянуто землистого цвета дубленой кожей, испещренной глубокими морщинами с избытком шрамов. Один из них косо перечеркивал левую щеку, доходя до виска. Это выдавало в приезде человека бывалого, наверняка прошедшего огонь, воду и медные трубы. Сквозь прищуренные веки на привычную вокзальную суету смотрела пара маленьких черных зрачков-буравчиков. Несмотря на улыбку, обнажающую золотую фикса в нижнем ряду зубов, глаза эти все время оставались серьезными.

Приезжий поправил вещмешок и неторопливо направился к зданию вокзала, на ходу прикуривая «беломорину» со смятым мундштуком.

Не успел приехавший пройти и десяти шагов, как сзади его окликнули:

– Гражданин... да, вы! Задержитесь на минутку.

Голос принадлежал молодому сержанту-милиционеру. Еще двое вооруженных ментов маячили за его спиной.

Повернувшись вполборота к патрулю, мужчина недовольно протянул:

– Ну-у?

– Старший сержант Коваленко, – представился милиционер, приложил руку к козырьку и потребовал: – Предъявите ваши документы.

Мужчина с фиксой неспешно достал из внутреннего кармана куртки прозрачный полиэтиленовый пакет и протянул его сержанту. Тот извлек из пакета документы и принялся внимательно изучать, невнятно бормоча:

– Так, так, ага, справка об освобождении. Гражданин Фомин Валерий Николаевич? – Патрульный принялся лениво сравнивать лицо мужчины с изображением на фотокарточке в левом нижнем углу документа, скрепленном жирной фиолетовой печатью, и, не дожидаясь какого-либо ответа, продолжил чтение: – Осужден по статье сто сорок четыре часть вторая, а также...

– Слушай, гражданин начальник, про мои подвиги ты можешь и молча читать, я за восемнадцать лет и так о них наслушался. – Голос обладателя справки об освобождении звучал на редкость недружелюбно. – Или ты только вслух читать умеешь?

Второй патрульный, с короткоствольным автоматом наперевес, явственно почувствовал в интонации бывшего зэка пренебрежение и, ухмыльнувшись, обратился к коллеге:

– Слышь, Сеня, а эта уголовная рожа нарывается на неприятности... – В довесок к своим словам мент направил ствол автомата на Фомина. – По-моему, восемнадцать лет отсидки его

ничему не научили. А давай отведем его в отделение, научим уважительному обращению с московской милицией.

Мент Сеня, казалось, не отреагировал на замечание приятеля, а с еще большим интересом углубился в изучение обыкновенной казенной справки.

Однако второй не унимался: выпятив грудь и поведя стволом автомата, он стал надвигаться на мужчину, нагло уставившись ему в глаза. Тот, в свою очередь, выдержав взгляд, скривился в пренебрежительной усмешке. По всему было видно, что он ничего не боится и всем своим видом подчеркивает это.

Последнее больше всего взбесило патрульного, и он, уже не владея полностью своими чувствами, дал выход законной злобе:

– Чего скалишься, ур-род? Пошел вперед, – мент со всего размаху ткнул Фомина стволом в живот.

Тот, не сделав и попытки сдвинуться с места, произнес:

– Ну ты, псина позорная, попридержи грабли, а то и пукалка твоя не поможет!

– Ах ты сука... – Самообладание покинуло милиционера окончательно, и он попытался садануть автоматным стволом в лицо приезжего.

Однако Фомин увернулся от удара, отступив на шаг в сторону, и нанес резкий и точный хук в ментовскую челюсть. Правоохранитель покачнулся, явно не ожидая такого оборота событий, и, выронив оружие, нелепо шлепнулся на пятую точку.

Все произошло так стремительно, что сержант не успел отреагировать на произошедшее. Однако сцена не осталась незамеченной прохожими. Место происшествия стало быстро набухать толпой любопытных.

Придя в себя, сержант выхватил из кобуры пистолет, передернул затвор и, судорожно наведя ствол на мужчину, нервно выкрикнул:

– Стоять! Стреляю без предупреждения!..

Однако Фомин и не пытался бежать.

– Ладно, начальник, – обратился он к сержанту, – не гони волну, спрячь волюну, куда я не сбегу. А твой корешок сам напросился. Веди в мусарню.

Едва договорив, он протянул старшему патруля обе руки, для того чтобы тот защелкнул на них наручники.

Несмотря на кажущуюся покорность задержанного, сержант не решался убрать пистолет, хотя он и мешал ему надеть на предложенные запястья наручники. Тогда мент попытался проделать нехитрую манипуляцию одной рукой, однако по известному всем закону подлости наручники зацепились за складку одежды и с омерзительным металлическим звоном упали на грязный заплыванный асфальт, выскользнув из неловких рук.

По толпе зевак пробежала струя веселья: сцена больше походила на дешевую клоунскую репризу, чем на серьезную милицейскую операцию «по задержанию».

В этот момент сквозь кольцо любопытных протиснулись двое парней крепкого телосложения, с почти наголо бритыми затылками.

Один из них, метнув короткий взгляд в сторону задержанного, произнес низким хриловатым голосом:

– Сержант, опусти волюну. Не ровен час, палец дрогнет, в прохожих дырок наделаешь, и придется тебе тогда сменить твой форменный клифт на спецовочку-телогреечку в «Красной шапочке».

Объявив это, мужчина с бритым затылком сделал решительный шаг в сторону милиционера. Однако нервы последнего были на пределе, и он, направив ствол в сторону парней, истерично взвизгнул:

– Не подходи – убью!

Неизвестно, к чему бы все это привело, если бы Фомин, стоящий с протянутыми в сторону патрульного руками, не выкрикнул:

– Бур, стоять! Это же псих, не видишь, что ли? – И, смягчив интонации, неожиданно предложил: – Лучше подай мне «браслеты».

– Да ты что, пахан? Чтоб я, как последняя сука, надел на вора цапки... – искренне возмутился мужчина, названный Буrom.

– Молкни! – осадил Фомин. – И делай что я говорю. – Повернувшись к милиционеру, он примирительно добавил: – А ты, сержант, не менжуйся. Пошли в твой клоповник.

К тому моменту окончательно пришел в себя второй патрульный. Первым его желанием было наброситься на обидчика и избить его прямо на тротуаре. Однако он быстро осознал, что избивать человека в присутствии многочисленных свидетелей было бы не только неразумно, но и непрофессионально.

Поняв, что конфликт приближается к развязке, толпа стала заметно редеть: никто из недавних наблюдателей не хотел быть привлечен в качестве свидетеля задержания. Когда же сержант вслух предложил добровольцам проследовать в отделение, то вокруг вообще никого не осталось.

Не доходя какую-то сотню метров до милицейской дежурки, тот, которого Фомин назвал Буrom, обратился к сержанту едва слышным шепотом:

– Слышь, командир, кому нужен этот цирк, давай замнем, внакладе не останешься.

Сержант, бросив косой взгляд в спину впереди идущего приятеля, задумался на какой-то миг и отрицательно качнул головой.

Однако Бур продолжал настаивать на своем:

– Отвалим вам ментовское полугодовое жалованье! Не пожалеешь! – И, видя, что мент явно колеблется, озвучил сумму: – Пять штук баксов на двоих, лады?

– С ним договаривайся, – так же шепотом ответил сержант, указав на напарника. Однако по всему было видно, что названная сумма явно впечатлила милиционера.

Ускорив шаг, бритоголовый догнал второго мента и, придержав его за рукав, предложил доброжелательно:

– Начальник, давай по-хорошему добазаримся... Зачем друг другу проблемы создавать?

– Убери руки, – резко ответил тот, – никаких базаров с вами не будет. А то я вас в одну камеру упрячу, там друг с другом и базарьте.

Было видно, что с этим ментом добазариться не получится. Слишком он был зол за недавнее прилюдное унижение. Предложи ему сейчас хоть миллион долларов, он бы и тогда не согласился отпустить задержанного.

Тот услышал обрывок фразы и, догадавшись, в чем суть разговора, строго бросил парню:

– Бур, кочумай, это же псина позорная, и мозгов у него, как у канарейки на хер намазано. С ним базарить – фонарь голимый. У него наверняка начальник есть. С ним тереть будем.

Бур послушно умолк, слегка поотстав от мента.

Тем временем они уже входили в помещение линейного отделения милиции. Навстречу поднялся старший лейтенант с объемным брюшком и нарукавной повязкой «Дежурный».

– Ну что у тебя, Коваленко, на этот раз?

Старший патруля не успел ответить на вопрос, как в диалог вмешался его напарник:

– Этот уркаган, – он кивнул головой в сторону Фомина, – напал на сотрудника милиции. Собирался избить. Мы задержали.

По-видимому, репутация постового мента была хорошо известна начальству, так как дежурный прервал его:

– Я не с тобой разговариваю, Макаровский. – Затем, повернувшись к сержанту Коваленко, спросил: – Что, действительно напал?

– Так точно, товарищ старший лейтенант, – ответил более лояльный к пахану милиционер, протягивая дежурному документы Фомина, и добавил: – Вот справка об освобождении и маршрутный лист.

Усатый старлей небрежным жестом взял протянутые бумаги и положил их на стол. Затем, указав на задержанного, распорядился:

– В камеру. Коваленко, к концу дежурства напишешь мне рапорт по всей форме. – Тут его взгляд остановился на двух стоящих в стороне крепких парнях. – А это кто? Свидетели?..

– Да какие свидетели, – встрял в разговор Макаровский, – дружки задержанного. Такие же уголовные хари. Взятку мне только что предлагали.

Последняя фраза заставила милиционера более внимательно присмотреться к бритоголовым. Несомненно, это были типичные бандюганы. Однако эти бандиты заметно отличались от типажа, известного по достославным девяностым годам: ни «цепур голдовых», ни специфической распальцовки... Одетые неброско, но дорого, они вполне могли бы сойти за менеджеров какой-нибудь очень серьезной фирмы и за владельцев охранных бизнесов – если бы не татуированные пальцы да еще то выражение лица, которое встречается только у прожженных уголовников.

Однако настроены они были мирно.

Опыт работы в органах заставил офицера милиции быстро принять решение:

– Значит, так. Ты, Коваленко, с напарником отправляйтесь на дежурство, людей и так не хватает, а с этим Фоминым я и сам разберусь. Думаю, на повторный срок он себе уже заработал.

На лице Макаровского отразилось явное недоумение: в милиции он работал недавно, поэтому профессиональный ход мысли старшего остался для него загадкой. Единственное, что он понял из сказанного, это то, что сейчас расправиться с обидчиком, к несчастью, не удастся. Поэтому, поигрывая желваками, он решил хотя бы отконвоировать задержанного в камеру.

Однако Коваленко был более опытен и быстро сообразил, что к их возвращению уркагана, скорей всего, в отделении не окажется. Тяжело вздохнув, он направился к выходу, бросив в спину удаляющемуся напарнику:

– Давай быстрее. Одному мне, что ли, париться на жаре. – А в ушах колокольным боем отдавалось недавно сделанное ему деловое предложение: «Пять штук баксов! Пять штук баксов!»

Про себя он уже решил, что впредь попросится в другую смену, лишь бы избавиться от этого придурка-альтруиста.

Дождавшись, когда они остались втроем, Бур обратился к приятелю:

– Музыкант, не в падлу, сходи позвони.

Тот, ни слова не говоря, развернулся и вышел, плотно притворив за собой дверь. Проводив товарища взглядом, оставшийся вплотную приблизился к дежурному:

– Начальник, разговор есть.

– Слушаю, – ответил старлей, пытаясь изобразить на лице полное недоумение по поводу предстоящей беседы.

– Давай замнем толковище. Сам посуди – человек только «откинулся», восемнадцать лет – это ведь тебе не бутерброд с маслом. Жизнь изменилась, а он остался прежним. Да и нервы у него, войди в положение... Ну передернул слегка, с кем не бывает. А этому сосунку, – он имел в виду Макаровского, – мы честно оплатим попорченную вывеску.

– Нападение на сотрудника милиции при исполнении, – сухим, казенным голосом принялся перечислять старлей. – Оказание сопротивления при задержании. Вполне достаточно, чтобы я сейчас закрыл вашего дружка в изолятор временного содержания и передал документы по инстанциям.

– Правильно. Мы ведь и не отказываемся. Однако готовы пострадать материально, – доброжелательно втолковывал Бур. – И тебе, начальник, лишняя головная боль со всеми этими

протоколами, свидетелями... И нам тоже: придется потом адвоката искать, судью и прокурора подмазывать...

Старлей не перебивал говорившего. Единственное, что его могло интересовать теперь, – это сумма. Про себя он решил, что меньше чем на тысячу долларов не согласится. И вдруг его как в прорубь бросили.

– Я думаю, на четырех тоннах сойдемся? – Бур осторожно задвинул пробный шар.

Если бы не годы трудной и опасной службы, то дежурный сделал бы обратное сальто, не сходя с места. Однако это был человек закаленный, а к тому же – настоящий профессионал своего дела. А потому он лишь покраснел как вареный рак и стер со лба предательски выступившую испарину. Раздув щеки, старлей что-то невнятно пробормотал.

Бур воспринял это по-своему и, улыбнувшись, повысил ставки.

– Ну не крохоборничай, старлей. Не к лицу. Ты же офицер московской милиции! Пять штук зеленых – расходимся краями и навсегда друг о друге забываем.

В этот момент из дальнего конца коридора, где располагалось помещение для задержанных, послышался взрыв ругани.

На секунду прислушавшись, дежурный бросился туда, гулко топоча подковками сапог по полу. Бур поспешил за ним. Перед их глазами предстала весьма неприглядная картина: Макаровский вырывался из рук держащих его товарищей, размахивая во все стороны резиновой дубинкой. Напротив бушевавшего патрульного стоял Фомин с окровавленным лицом, даже не пытаясь уворачиваться от ударов, всем своим видом подчеркивая полное отсутствие страха и жгучую ненависть как к нападавшему, так и к его коллегам. На тонких губах недавнего зэка играла пренебрежительная улыбка, однако глаза налились кровью и, казалось, пронзали насквозь все и вся.

– Прекратить немедленно! – заорал дежурный таким неожиданным фальцетом, что все обернулись и тупо уставились на него. – Макаровский, ты отстраняешься от дежурства. Сдай табельное оружие, удостоверение и жетон. О твоём поведении, недостойном высокого звания сотрудника столичной милиции, завтра будет доложено начальнику. И лично я буду ходатайствовать о твоём увольнении из органов.

По-видимому, угроза была реальной, так как присутствующие милиционеры, не удостоив даже взглядом кандидата на увольнение, разошлись по своим местам. А последний, растерянно озираясь по сторонам, только сейчас понял, насколько серьезно вляпался. Он развернулся и побрел по коридору в сторону дежурки.

Старший лейтенант, обернувшись к недавнему просителю, пробурчал:

– Забирай своего приятеля, – он указал на Фомина и добавил: – Туалет здесь, пусть умоется.

Дождавшись, пока старший товарищ смыл с лица кровь, Бур протянул тому белоснежный носовой платок. Фомин отмахнулся:

– Не надо, испачкаю.

– Да черт с ним, – возразил бритоголовый, – выброшу в помойку. А насчет этого мусора не переживай, Монах. Я ему сам швайку под ребро засуну, если скажешь.

– Ладно, ладно. Разберемся, – ответил тот, кого называли Монахом, – пойдем отсюда.

– Ты иди, пахан, а я собаке кость кину, – Бур имел в виду обещанную взятку.

Пахан тяжело вздохнул и вразвалочку направился к выходу, промолвив себе под нос:

– Боже, что делается на свете. На этих сук в погонах еще и «капусту» тратить. Бр-р-р-р...

– Что? – переспросил молодой человек, не расслышав последней фразы, сказанной Монахом.

Тот отозвался, не поворачиваясь, а лишь устало махнув рукой:

– Да ничего, это я так.

Проследовав за ссутулившимся паханом, Бур подошел к казенной двери и, заговорщицки постучав, приоткрыл ее. Старлей резво поднялся со своего места и, подойдя к посетителю, державшему в руке пачку ассигнаций, проворно перехватил протянутые деньги и мгновенно спрятал в карман форменного кителя.

Наблюдай за этой сценой кто-нибудь посторонний, ему сложно было бы заметить суть произведенной манипуляции – настолько быстро купюры сменили хозяина. И кто знает: может быть, в каком-нибудь московском отделении милиции пропадает талант Гарри Гуддини или Дэвида Копперфилда – знаменитых иллюзионистов! Ловкость человеческих рук не знает предела, а ментовская жадность доводит эту ловкость до уровня просто сверхъестественного.

Выйдя из здания вокзала на Павелецкую площадь, троица остановилась. Монах окинул взглядом открывшуюся панораму Садового кольца с его величественным сталинским ампиром. Только теперь привычные взгляду дома пестрели броской рекламой. Двое друзей Фомина просто ждали, когда тот вдоволь насмотрится на то, что не видел более семнадцати лет и что они просто не замечают из-за привычного течения жизни.

Наконец Монах обернулся к своим спутникам и, как будто впервые их увидев, произнес: – Ну вы и прикинулись, ни дать ни взять – фраера. – Он покачал головой, храня на лице выражение абсолютной серьезности, если не сказать строгости, и только глаза смеялись, весело искрясь. – Можно подумать, что раздербанили жирного «утюга».

Бур осмотрел себя с головы до ног. Светло-коричневые туфли, фланелевые серые брюки, бежевый пиджак в крупную клетку, с шелковым платочком в верхнем кармане. Никаких видимых изъянов в прикиде не было.

– Валера, все сильно изменилось, – задумчиво произнес он. – Нету больше ни «фарцы», ни коммерсов из горбачевских кооперативов, ни валютных «Березок». Не осталось в природе базарных «бомбил», бандюков-спортсменов и честных ментов. Ты сел в одной стране, а вернулся даже не в другую, которой тоже нету... а в какую-то третью! Тут сейчас такие дела проворачиваются!.. Для тебя современная Москва – совершенно другая планета. Ты уж меня извини, но теперь тебе надо какое-то время учиться заново жить. Иначе просто загнешься с непривычки.

– Да уж кое-что знаю, пацаны на зоне мне многое рассказывали, – отвечивал старый урка.

– Всего ведь и не расскажешь, – вставил Музыкант. – По рассказам ты никогда не научишься плавать. Тут самому надобно фишку просечь.

– Ладно, бог с ними, потом ознакомите меня с этой новой планетой, – бросил Монах, оборачиваясь к товарищам. – Сдается мне, что мы не с того начали. Ну здорово, что ли...

Фомин протянул Музыканту руку для пожатия, но тот вместо этого крепко обнял пахана. То же повторилось и с Буром, который после теплого приветствия, слегка смутившись, произнес:

– Ты это, Валера, прости, что не успели раньше подъехать. По городу сейчас такие автомобильные пробки, что куда быстрее на метро добираться.

– А на зоновской проходной ты сам категорически запретил себя встречать, – напомнил Музыкант. – А то мы бы тебя хоть с оркестром и шестидверным «Линкольном»... Ты же нас знаешь!

– Ладно, какой тут базар, – примирительно заулыбался Монах. – Чем сопли размазывать, поди лучше мотор подгони.

На лице Музыканта появилась многозначительная улыбка. Он извлек из кармана брелок с пультом и щелкнул кнопкой – сигнализация огромного черного «Хаммера», стоявшего рядом с бордюром, чуть слышно отщелкнула.

– У тебя теперь будет свой собственный мотор, – прокомментировал он. – И не фуфлю какое-то, а крутая тачка, да еще с личным шофером.

Последнее замечание явно не понравилось Монаху. Вор старой формации, он был принципиальным противником какой-либо собственности, кроме общаковой.

На зоне он, конечно, уже давно выяснил: нынешние воры обзаводятся дорогими машинами, заморскими коттеджами, попсовыми украшениями из драгметаллов, одеждой по цене легкового автомобиля... По слухам, авторитетные люди могли потратить за ночь на проститутку больше годовой зарплаты полковника ментуры. Только для себя он тогда решил, что это не к лицу настоящему авторитету. Чем тратить столько денег на всякие безделушки, лучше отправить больше грева на зоны для братвы, чтобы они могли лишний раз кайфануть, просто досыта пожрать или заплатить администрации ИТУ за перевод какого-нибудь подорвавшего здоровье блатного на «химию» или хотя бы на больничку.

Поэтому Фомин ответил Музыканту достаточно резко:

– С каких это пор вору положено персональное авто? Да еще такой страшный танк? Я вроде пока не президент и даже не министр.

– Ну в Кремле-то побольше нашего воруют, – окончательно развеселился Бур. – Потом расскажу... Да сейчас такой машиной никого не удивишь. Валера, а может, на отдых, в кабак? Там и поговорим... Так домой или отдыхать?

– Покатай-ка меня сперва по городу.

Страшный черный «Хаммер» покатыл по проспекту в плотном автомобильном потоке. Бур включил радио, и просторный салон наполнился тягучим блюзом – протяжным и сладким, как пастила. Вдоль дороги замелькали одинаковые билборды: сусально-клюквенный силуэт Москвы с кремлевскими башнями и церковными куполами. Над троллейбусными проводами пестрели растяжки, рекламируя товары и услуги, о которых вор на далекой заволжской зоне ни разу не слышал. За окном из пуленепробиваемого стекла блестели витрины, и припаркованные автомобили грязной пеной оседали на паркингах.

Столица, задушенная синеватым угаром автомобильного дыма, выглядела равнодушно и даже пугающе.

– Москва-а-а... – неопределенно протянул Фомин. – Вроде и город прежний, а присмотреться – в природе другая планета.

* * *

Фомин, отключившись от недавнего происшествия, молча смотрел в окно, вспоминал, листал книгу жизни, и горечи там было много больше, чем сладости...

Свое прозвище, или, как говорят в лагерях, погоняло, он получил в колонии для несовершеннолетних преступников за то, что отличался скрытным характером и скромными потребностями. Он никогда не грабил старух или многодетных матерей: обычными его клиентами были разжиревшие кооператоры, цеховики и прочие легальные и полуполигальные советские миллионеры.

Попав на скамью подсудимых, Валера услышал о себе только то, что он вор, «антисоциальный элемент, нуждающийся в немедленной изоляции от общества». С тех пор его представления о мире, в котором он живет, претерпели серьезные изменения.

На «малолетке» с ее нечеловеческими законами его взгляды сильно изменились. Туда он заехал блатным романтиком. А по прошествии двух лет, в течение которых Фомину исполнилось восемнадцать и его перевели «на взросляк», он преобразился в Монаха – хитрого и матерого уголовника, отрицательно настроенного не только к администрации колонии, но и к человечеству вообще.

И неизвестно, в кого бы мог превратиться новоиспеченный блатной, если бы не его отец.

Вор в законе, прошедший через «одиночки», карцеры и БУРы, колонии строгого и особого режима, «крытки» вплоть до печально известного «Белого Лебедя», Фомин-старший не

только не поддался «мусорской ломке», но и смог сохранить в себе исключительную человечность.

Вскоре Валерия Николаевича Фомина, «учитывая его исключительную социальную опасность», как постоянного нарушителя режима ИТК перевели в колонию усиленного режима для совершеннолетних, где ему предстояло провести два года. Его отец, очень авторитетный вор старой, блатной формации, сумел сделать так, что Монах, Фомин-младший, попал на ту зону, которую сам и «держал».

Встреча была довольно сдержанной.

Фомин-отец, вор по кличке Паук, неоднократно получал малявки с «малолетки», в которых сообщалось о том, как зарекомендовал себя его сын. И хотя отзывы были в основном положительными с точки зрения воровской морали и «понятий», опытному Пауку самому хотелось убедиться в непредвзятости тамошнего «смотрящего».

Как только этапных спустили в зону после карантина, Монаха ввели в бытовку, где за письменным столом восседал его папа.

В первый момент Валера не узнал отца: ввалившиеся щеки, слезящиеся глаза и непомерная худоба никак не соответствовали образу человека, которого запомнил сын: почему-то кстати или некстати вспомнилось, как когда-то учил его плавать на черноморском курорте, покупал мороженое и рассказывал сказки о семи богатырях.

Правда, тогда Валерику было чуть больше шести лет, и с тех пор они не виделись...

Там, в бытовке, рядом с Пауком сидели еще двое мужчин, которые пялились на Монаха, просвечивая, словно рентгеном, своими тяжелыми острыми взглядами. Но это было сущим пустяком по сравнению с тем, как смотрел на сына отец: казалось, его взгляд, подобно тяжелой бетонной плите, пригибал того к земле, в какой-то момент Монаху показалось, что если он не отведет глаз от лица пахана, то его или сплющит, как букашку, до состояния мокрого пятна, или просто лопнут глаза.

Впоследствии он неоднократно вспоминал эту сцену, и по коже пробегала волна нервного напряжения. Никогда в будущем ему не приходилось испытывать ничего подобного. Паук встал и, подойдя, обнял его:

– Здорово, бродяга. Вот и ты выбрал для себя этот путь... Малявы «смотрящего» с «малолетки» я читал очень внимательно. Ты вел себя в основном правильно. Но слишком уж ты категоричен, Валера. Несколько раз ты был очень безжалостен к людям, которые тебя окружали. Это по молодости, надеюсь... Запомни, сынок, мои слова: люди не делятся на блатных и «мужиков», не делятся на воров и фраеров, а делятся только на порядочных и негодяев. Ментов и пидоров, конечно, я не считаю, они для меня птицы одного полета. Может быть, ты неправильно представляешь себе воровскую идею? Вор в законе – это не только знатный шулер, марвихер, щипач или медвежатник. Это в первую очередь тонкий знаток человеческих душ, своего рода психолог. Я, конечно, понимаю, что зона – не институт благородных девиц, но все же нельзя опускаться до состояния скотов. Будь терпимее к окружающим, но и не спускай серьезных обид. Это очень тонкая грань, а тебе она кажется широким проспектом. Это и есть главное наше воровское понятие. Хочешь остаться человеком – живи так, и люди будут тебя уважать. Если оступишься – станешь на кривую дорожку беспредела и скурвишься.

Давно уже не было в живых отца, давно отправились на тот свет почти все его друзья, однако отцовские слова навсегда стали тем компасом, по которому Монах и сверял свои поступки...

* * *

Черный «Хаммер» подъезжал к Сокольникам. Неподалеку от станции метро внедорожник попал в глухую километровую пробку. Бур с Музыкантом долго чертыхались, однако ста-

рый уркаган ничем не высказывал своего недовольства. Он с интересом рассматривал новые дома, прикидывал, сколько же тут всего изменилось за время его отсутствия. Вон в том супермаркете когда-то был занюханый советский гастроном, куда он сопливым пацаном бегал по просьбе матери за хлебом и молоком. А вон за тем домом в семьдесят пятом он дрался с двумя хулиганами на несколько лет старше себя и обоих победил. А вон на месте того рынка когда-то стоял киоск, который он в семьдесят восьмом так удачно раздербанил...

Не было больше ни старой Москвы, ни символов далекого детства. Теперь столичный пейзаж пестрел лишь чередой безвкусных реклам, за умеренную цену предлагавших все радости мира. Даже небо над родным районом – и то выглядело каким-то чужим и неприветливым...

По знакомым с детства тротуарам сновали красивые молодые бабенки, словно сошедшие с забугорных журналов. Грязные толстомордые бомжи неискренними голосами просили милостыню. Едва оформившиеся сикухи с неприличным сладострастием обгрызали бананы, крутили задницами. Малолетняя пацанва в папиных тачках самозабвенно глушила себя рэпом.

– Такое ощущение, что ты за границей, – прошептал Фомин, оглядываясь по сторонам, словно первокласник, попавший на экскурсию в диковинное место.

– А мы тебе говорили, – улыбнулся Музыкант. – Только Москва, пахан, – это далеко не вся Россия. Отъехать за сто километров от МКАДа – там все другое.

– В смысле?

– Ничего с семидесятых-восьмидесятых не изменилось. Только пить вот куда больше стали. А беспредел власти еще больше, чем тут, в столице.

Огромный джип полз по улице со скоростью сонной улитки. Наконец Бур изловчился, перестроился в левый ряд и вильнул в тесный дворик, в котором у Фомина прошли детство и юность.

Плавнов остановив машину у подъезда, водитель произнес:

– Все, пахан, прибыли. Этаж и квартиру, надеюсь, не забыл?

– Разберемся, – отмахнулся Монах и неторопливой походкой направился к подъезду, взглядываясь в лица сидящих на лавочке старух, тщетно пытаясь узнать кого-нибудь из старых знакомых.

Глава 2

В просторном казенном кабинете царила тишина, изредка нарушаемая скрипом кресла и шелестом перекладываемых бумаг. Хозяин кабинета – немолодой мужчина в скромном костюме, с жесткими серыми глазами и волевым подбородком – внимательно просматривал компьютерные распечатки, то и дело стряхивая сигарету в пепельницу. Включив компьютер, он зашел в базу данных, сверяя распечатанное. Затем затребовал по селектору новые документы и скрупулезно просмотрел принесенную папку от начала и до конца. Покончив с документами, он с хрустом потянулся, подошел к окну и приподнял жалюзи. С Лубянской площади несло автомобильным чадом. Спешили прохожие, неслись автомобили, со стороны «Детского мира» доносился смрад паленого мусора.

– Кислорода хочется... – едва различимо прошептал хозяин кабинета. – А где его взять? И тут в дверь кабинета постучали.

– Олег Александрович, к вам майор Тимошин, – сообщила секретарша. – Уже десять минут дожидается.

– Приглашайте...

Майор Тимошин, несмотря на разницу в возрасте и профессиональном опыте, был ближайшим товарищем хозяина кабинета. На Лубянке, где одни товарищи очень редко доверяют другим товарищам, иногда еще случаются не только внеслужебные отношения, но и абсолютное дружеское доверие... Естественно, демонстрация дружеских отношений начиналась лишь за стенами Лубянки – в самом же корпусе субординация соблюдалась неукоснительно.

– Аналитический отдел только что закончил проверку нашего нового клиента, – начал он после приветствия. – Я на всякий случай перепроверил – все сходится. Запросил МУР – сведения более или менее совпали.

– И каковы предварительные выводы? – сдержанно заинтересовался хозяин кабинета.

– Этот человек никогда не шел на контакт с властями. Более того: имеет ярко выраженную агрессивную направленность против любых представителей закона и государства. Но, с другой стороны, до этого ему приходилось сталкиваться с дилетантами из милиции, где умеют только орать и вымогать взятки. С нашим ведомством он никогда не пересекался.

– Ну, это вы напрасно, майор, на милицию клеветаете, среди них тоже иногда попадаются настоящие профессионалы. – Олег Александрович откашлялся, давая тем понять, что на этом тема коллег исчерпана. Затем, вежливо подвинув к собеседнику пепельницу и сигаретную пачку, уточнил: – Значит, вы предлагаете отказаться от разработки объекта? Считаете, что и с нами он не пойдет на контакт?

Майор на секунду задумался, собираясь с мыслями, а затем ответил:

– Попробовать, конечно же, стоит. В любом случае мы ничем не рискуем. Правда, придется ускорить процесс легализации информации относительно Курчатовского института, но у нас уже все готово. Да и ребята из отдела по борьбе с коррупцией брались помочь.

– Ну-ну... – Олег Александрович забарабанил по крышке стола. – А какой из разработанных вариантов рекомендуете использовать?

– Я думаю, что силой мы ничего от него не добьемся. Бояться этому человеку практически нечего – он не рвется в политику, не обладает какими-нибудь серьезными капиталами, не занимается бизнесом. Тюрьмой его тоже не испугать. Семьи и детей нету. Постоянной женщины, через которую можно давить, – тоже. Единственно, что возможно, так это вызвать его на откровенный разговор. И давить следует не на гражданский долг, это просто смешно... А исключительно на его человечность. Насколько все это реально, пока сказать затрудняюсь.

– Хорошо, в принципе я... – Телефонный звонок не позволил полковнику закончить фразу. Сняв трубку с одного из стоящих на небольшом столике аппаратов, он произнес: – Полковник Шароев, слушаю вас.

На том конце провода говорили долго. Шароев ни разу не перебил говорившего. Наконец, прежде чем опустить трубку, он бросил:

– Хорошо, жду. – Повернувшись к подчиненному, полковник спросил: – На чем мы остановились? Ах да, точно. Я одобряю ваш план, действуйте. Только беседу с тем объектом я проведу сам, лично. Обеспечьте доставку гражданина, – он заглянул в одну из лежащих перед ним бумаг, освежая в памяти фамилию будущего оппонента, – Валерия Фомина, завтра к двенадцати ноль-ноль.

– По повестке он, скорее всего, не явится. По закону придется повторную присылать, только время потеряем.

– У нас предусмотрены и другие способы доставки, – чуть заметно улыбнулся Шароев.

– Слушаюсь, товарищ полковник, – по-военному четко ответил Тимошин, быстро поднимаясь со стула. – Разрешите уточнить один момент?

– Давай, – позволил Шароев.

– А почему именно этот уголовник... Фомин? Обычно мы подобной публикой не занимаемся.

– Понимаешь ли, в чем дело... После смерти Японца тут, в Москве... да и в России тоже, по сути, не осталось уголовников, равных по рангу Монаху, то есть Фомину. То, что последние восемнадцать лет он был как бы в тени – это даже и хорошо. Зато вынырнет в Москве как чертик из табакерки. А весь преступный мир России знает его очень давно, и только с наилучшей стороны. Для них он несомненный моральный авторитет, вор старой закваски, эдакая ходячая икона уголовных «понятий». За таким пойдут многие, и не только на зонах. Такому поверят. Так вот, если нам удастся установить с Фоминым контакт, мы сможем решить многие проблемы, которые не в силах решать традиционными методами. Это – в общих чертах и в очень далекой перспективе. А пока есть одна очень частная и очень серьезная проблема, решить которую мы сможем лишь после того, как закончим разработку этого... Монаха. Но эти частности, майор, тебе знать пока необязательно. Значит, завтра ты мне его сюда доставишь. Задачу понял? Выполняй!

* * *

Вжав кнопку дверного звонка родной квартиры, Монах ощутил, как забилося его сердце.

– Кто там? – донесся из-за двери знакомый голос, и Валера с удивлением понял, насколько изменился голос матери.

– Мама, это я...

Щелкнул замок, и в проеме появилась маленькая фигура хрупкой седой женщины, с лицом, покрытым тонкой сеткой морщин.

– Сынок, Валерочка! – Старая мать разрыдалась на груди сына.

Монах, прижав маму к себе и проведя рукой по редкой копне белых как снег волос, тихо произнес:

– Ну не плачь. Вот он я, вернулся. Теперь мы будем вместе.

Старушка, пытаясь сдержать слезы, которые не переставая текли по щекам, попыталась улыбнуться:

– Все, все, я ведь уже не плачу, – несмотря на сказанное, рыдания вырывались из ее груди, и она шепотом произнесла: – Думала, что уже не дождусь тебя никогда. – Затем, спохватившись, добавила: – Да что мы в дверях стоим, пойдем в комнату, сыночек.

Войдя в тускло освещенный коридор, Фомин окинул взглядом родные стены. В комнате матери к нему вновь вернулось чувство реальности: хоть здесь почти все осталось по-старому.

Старенькая кровать, платяные шкафы, венские стулья – все как когда-то, давным-давно, словно и не уходил он их этой квартиры на восемнадцать лет... Скрип табуретки звучал музыкой далекого прошлого. Разве что телевизор, занавески и кое-какая мебель были новыми.

Мать не знала, куда усадить сына. Постоянно суетилась и от этого выглядела немного смешно и очень трогательно. Затем, усевшись на один только миг напротив Монаха, она спохватилась:

– Ой, да что это я тут расселась, ты ж голоден с дороги дальней. Пойду соберу на стол.

– Не надо, мама, – он попытался ее остановить, – посиди лучше со мной. Я не хочу есть.

– Как это ты не хочешь? Я, между прочим, тебя ждала, приготовила много вкусного, кстати, твои любимые пироги с ливером.

– Разве ты знала, что я приеду? – искренне удивился Фомин. – Я же не писал тебе точной даты!

– А мне Рома с Сашей сказали, – женщина имела в виду Бура и Музыканта. – Они вообще очень хорошие ребята. Рома как освободился три года назад, так почти каждую неделю ко мне заезжает. То продукты завезет, то деньги, говорил, от тебя. Правда, что ли?

– Правда, – ответил Монах, в душе и радуясь тому, что Бур не забывал о его матери, и в то же время удивляясь, что тот находил время так часто бывать у нее. – В лагере производство было, все работают. Ну, вот и получилось кое-что выкроить и тебе отослать. На пенсию-то твою не шибко протянешь!

– А я вот все думаю, как же ты мог там зарабатывать столько денег, да еще каждую неделю пересылать их мне, – на лице женщины отразилось неподдельное изумление, но затем, решив не надоедать сыну лишними вопросами, она поспешно выпалила: – А какое мое стариновское дело? Побегу на кухню, а то пирог подгорит.

И уже в коридоре она выкрикнула:

– А где же Рома с Сашей?

В ответ от входной двери послышался голос Бура:

– Мы здесь, тетя Валя.

Войдя в комнату, они поставили на пол дорожный баул пахана и принялись доставать из принесенного пакета продукты. Фомин молча наблюдал за их действиями, а затем, взяв в руки литровую бутылку «Абсолюта», спросил:

– А «Столичной» нет?

– У, е-мое, – Музыкант хлопнул себя по лбу ладошкой, – совсем забыл, что пахан ничего, кроме «Столичной», не пьет! Пойду смотаюсь, я быстро, тут все рядом, – и он направился к выходу.

Бур последовал за ним.

– Приму душ, – улыбнулся Монах и пошел в ванную.

Минут через пятнадцать раздался протяжный звонок в дверь. Мать Фомина решила, что это вернулись товарищи сына, но ошиблась: в квартиру ввалились три наглых типа шкафообразной комплекции, с внешностью рыночных охранников.

Один из них, бесцеремонно оттолкнув пожилую женщину, вошел в комнату. Развязно развалившись на стуле, он обратился к матери Монаха:

– Давай, бабка, созывай всех, кто тут прописан, типа на общеквартирное собрание.

Старушка, оперевшись на дверной косяк, молча стояла, лишь часто моргая ресницами.

– Чего пялишься, старая галоша, – вступил в разговор второй, который был чуть ниже ростом своих товарищей, – делай, что тебе говорят. Не хотели расселяться по-хорошему, будем разговаривать иначе. Метод пряника не подействовал, попробуем кнут.

Ему явно понравилась собственная острота, и он тупо, по-лошадиному заржал.

В этот момент открылась дверь ванной комнаты, и появился Монах, одетый лишь в спортивные штаны.

Его обнаженный торс пестрел многочисленными татуировками. Для человека, посвященного в подобные вещи, татуировки больше, чем что-нибудь иное, говорят о той роли, которую их обладатель занимает в криминальной нише; татуировки на теле Фомина свидетельствовали, что он настоящий, патентованный вор в законе.

Практически на всю грудь распластался крест с распятой на нем голой женщиной, а чуть левее устрашающе оскалилась пасть тигра. На правом предплечье красовался кинжал с обвитой вокруг него змеей, высоко поднявшей плоскую голову, а под этим изображением прорисовывалась роза, вокруг которой сжимались витки колючей проволоки. На плечах синели искусно выведенные гусарские эполеты, ниже которых с правой стороны улыбалась симпатичная морда кота, а слева красовался натюрморт из колоды карт, бутылки водки, шприца, обнаженной женщины и кинжала. На спине, под изображенным собором с восемнадцатью куполами, Мадонна трогательно прижимала к груди младенца.

Скользнув мимолетным взглядом по непрошеным гостям, которые с интересом рассматривали воровские наколки, Монах вошел в комнату. Остановился у окна, повернулся к матери и спросил, указывая на визитеров:

– Это кто?

Мать слегка смешалась, а затем медленно, спрятав глаза, произнесла:

– Понимаешь, Валера, дом у нас хоть и старый, но Сокольники сейчас очень модный район. Да и место нашего дома очень удачное. Хотят расселить – аж куда-то за МКАД, а дом реконструировать, чтобы потом квартиры подороже продать. Предлагали деньги, но мы отказались. Куда мне на старости лет отсюда съезжать? Теперь вот... – Она жестом указала на сидящих.

Взгляд Фомина сделался жестким, и он задал вопрос, обращаясь к пришедшим:

– Ну, чего надо?

– Надо, чтоб вы съехали отсюда, – весьма недипломатичным тоном ответил за всех старший, – и чем быстрее, тем лучше.

– Тебе уже сказали, что никто никуда переезжать не собирается. Поэтому забирай своих «быков» и отваливайте подальше.

– Ты смотри, Клим, – обратился к своему старшему тот, который был чуть пониже, – как заговорила эта ходячая Третьяковская галерея.

Монах, окинув того взглядом с ног до головы, обратился к матери:

– Мама, выйди, пожалуйста, и закрой дверь.

– Валера, может быть, не стоит... – попыталась было возразить она.

– Я очень тебя прошу выйти, – спокойно и вместе с тем твердо повторил просьбу Фомин.

Когда за женщиной закрылась дверь, авторитет в упор посмотрел на старшего. Не выдержав тяжелого взгляда пахана, тот отвел глаза в сторону. Между тем Монах вразвалочку прошелся по комнате. Проходя мимо третьего наглеца, он с силой пнул того по вытянутым ногам:

– Убери копыта, бычара.

Обиженный резко вскочил, однако тут же упал, повергнутый мощным ударом в переносицу. Из носа у него потекла тонкая струйка темной крови. Старший из троицы мгновенно отреагировал на действие нападавшего и подскочил к нему. Он уже собирался нанести несколько ударов, как почувствовал, что тот мгновенно заломил его руку за спину и приставил к его горлу холодный металлический предмет.

Каким образом в руке у Монаха оказалось бритвенное лезвие, осталось для старшего и его «быков» загадкой.

Фомин же, еще плотнее прижимая острие бритвы к горлу жертвы, сквозь зубы процедил:

– Что ж ты, параша, рыпаешься? Спокойней, спокойней... Только дернись, и станешь вдыхать воздух сантиметров на двадцать ниже. Конь ты педальный. Не будь это мой дом, я бы тебя заставил сожрать твои собственные яйца. Бычье рогатое. Таких маромоек, как вы, на моей зоне петухи бушлатами гоняли, а потом заставляли парашу жрать. Сучий потрох, – говоря это, пахан свободной рукой залез тому под легкую спортивную куртку и вытащил пистолет. Передернув затвор, он навел ствол в голову противнику. – А теперь пусть твои сывки положат руки на головы и станут лицом к стене, если не хочешь, чтобы в твоей тупой башке стало свежее. Думаю, не сомневаешься, что я твои куриные мозги вмиг проветрю?

Недавний наглец только тихо прошептал, опасливо косясь на смотрящий в него бездонный металлический глаз пистолета:

– Делайте, что вам говорят.

Те, в свою очередь, медленно стали у стены, скрестив пальцы рук на затылках. Они явно не ожидали такого поворота событий, а потому даже не думали сопротивляться. Решительность татуированного жильца и особенно страшный взгляд его глаз полностью парализовали волю негодяев.

Монах приказал старшему из них лечь на пол лицом вниз, а сам ловко обыскал стоящих, внимательно отслеживая их реакцию.

Собрав оружие, Фомин коротко бросил лежащему:

– Встань, баклан. – Дождавшись, когда тот выполнит приказ, он добавил: – А это тебе на память о нашей встрече, сучара. Впредь будешь помнить, что на блатных мазу тянуть накладно и тебе банабак не под силу, пупок развяжется. – С этими словами он резким движением руки с зажатым между пальцами лезвием распорол противнику щеку. Из раны густо хлынула кровь, обнажая вылезшее из-под кожи алое мясо.

Жертва дико вскрикнула, схватившись рукой за порез. Кровь, просачиваясь сквозь пальцы, обильно залила выглядывавший из-под рукава куртки белоснежный манжет рубашки, образуя на половом коврик бесформенную лужицу.

Продолжая удерживать незваных гостей на прицеле пистолета, Монах коротко напутствовал:

– А теперь вон отсюда, дешевки. И запомните: если я еще хоть раз увижу ваши мерзкие хари, то попорченной вывеской не отделаетесь. Кишки выпущу, гондоны штопаные. – Пахан брезгливо скривился, наблюдая за тем, как поспешно недавние «крутые» покидали комнату.

В это самое время вернулись товарищи Монаха. Столкнувшись на пороге квартиры с незваными гостями, они моментально оценили ситуацию.

В руке у Бура блеснула хромированная сталь пистолета. Схватив за отворот куртки одного из негодяев, он, направляя ему ствол в живот, бросил:

– Музыкант, тормозни тех недоношенных. – А затем, поворачиваясь к Фомину, спросил: – Пахан, что надо этим фуфлометам?

– Осади, Бур, – спокойно приказал авторитет, – я с ними уже поговорил. По-моему, они все поняли.

Только сейчас Роман заметил в руке Монаха пистолет. Все же ему не хотелось отпускать визитеров ни с чем, поэтому он вновь обратился к старшему приятелю:

– А может, рвануть их? Не нравятся мне их хари...

– Я все сказал, а ты все слышал! – Теперь в голосе пахана зазвучали резкие металлические нотки.

Поняв, что спорить бесполезно – да это было и не в его характере, – Бур отпустил одежду жертвы. Заглянув тому в лицо, он легко похлопал его по плечу, а затем внятно произнес, растягивая слова:

– Смотри, зяблик. Еще раз сунешь сюда свое свиное рыло, я в твоём пердильнике мушкой от этого ствола, – он повертел перед носом у недавнего самоуверенного верзилы блестящим пистолетом, – резьбу в натуре нарежу. Все понял?

Оценив утвердительный ответ, блатной выставил негодяев за дверь.

* * *

Утренний воздух был прозрачен и свеж. Легкий ветерок носил запахи свежескошенной травы, цветов и хвои. В сдвигающемся мареве нечетко вырисовывалась черепичная крыша загородного дома. Сам же дом мягко вписывался в пейзаж: желтый двухэтажный коробок под красной черепицей на фоне зеленых деревьев. По сторонам подъездного крыльца выступали дорические колонны, уподобляя дом дворянской усадьбе. И только трехметровый забор с блестящими глазками видеокамер по всему периметру немного не вписывался в общую стилистику.

Огромный ротвейлер, лежавший в тени, потянулся, высунул фиолетовый язык и с радостью бросился к немолодому обрюзгшему мужчине.

– Ай ты мой хороший, – обратился мужчина к псине, – что, тоже кайфуешь за городом?

Пес принялся крутиться вокруг мужчины, пытаясь встать передними лапами ему на грудь.

– Фу, Байрам! – окликнул хозяин. – Испачкаешь мне майку, получишь по заднице.

– Леша, убери собаку, а то он меня съест, – томно попросила молодая сдобная блондинка с крыльца.

– Не съест, – успокоил хозяин, отзывая пса.

– Тебе хорошо говорить, – возразила та, замерев у входной двери с плотно прижатыми к животу руками, – он еще вчера на меня глаз положил.

– Хорошо, что глаз, а не член, – осклабился тот, кого девушка назвала Лешей, а затем миролюбиво добавил: – Не обижайся – шутка.

– Я и не обижаюсь, – вымолвила она, – только все же убери его.

– Да не канючь ты, – раздраженно бросил мужчина, – не тронет он тебя. Пойдем лучше в бассейн, искупаемся.

– Только искупаемся, или еще что-то? – кокетливо осведомилась девушка.

– Ну, все остальное будет зависеть только от твоего поведения, Светик.

Блондинка, искоса поглядывая на улегшегося у ног хозяина пса, сделала несколько несмелых шагов. Видя, что тот никак на нее не реагирует, осмелела и уже более уверенно двинулась вслед за уходящим по дорожке хозяином.

В стороне от коттеджа, укрывшись в прохладной тени сосен, расположилось малоприметное строение из стекла и бетона. Это был спорткомплекс с сауной, бассейном и тренажерами – предмет особой гордости хозяина.

Скинув с себя одежду и оставшись в одних плавках, Леша бросился головой в синеву чистой воды. Сделав несколько мощных гребков, он перевернулся на спину и позвал подругу:

– Прыгай ко мне.

Девушка какой-то миг смотрела на него, а потом спросила:

– Сюда никто не войдет? А то я без купальника...

– Да хоть совсем голая, – ответил мужчина. – Кроме меня, оценить твои прелести не сможет никто. – А потом добавил: – Я имею в виду здесь и сейчас.

Блондинка одним резким движением стянула через голову платье и, оставшись в стрингах, подошла к краю бассейна, а затем, поразмыслив, сняла и их, сказав при этом: «Так проще», – и прыгнула в воду.

В этот момент в помещение вошел высокий молодой парень с широкими плечами и бугрящимся под рубашкой рельефом мышц. Заметив обнаженную блондинку, он смутился, а затем, отведя глаза в сторону, произнес:

– Дюк, там тебе Саша Заика звонит, говорит, срочное дело. Ты уж извини – он тебе на мобилу звонил, говорит, отключена.

Татуированный Леша, он же Дюк, повернулся в сторону говорящего и тихо произнес:

– Пусть перезвонит через пять минут на мобильный. Сейчас включу. Боже, ну ни минуты покоя! То Саша, то Андрей, то Вадим, то еще кто-то... Специально из Москвы уехал, чтобы их рож не видеть.

– Понял, – отозвался здоровяк и направился к выходу.

Саша Заика прозвонился ровно через пять минут:

– Привет, Дюк!

– Аллю, слушаю тебя.

Уже по тональности звонившего Дюк понял, что здесь что-то серьезное.

– Я по поводу нашего банкира. Говорит, что открывать филиалы в Латинской Америке ему невыгодно. Предложил компромиссный вариант, но о нем не по телефону.

Дюк на миг задумался, а затем сказал:

– Ты можешь ему пояснить популярно, что он от нас по кругу зависит? Живет себе спокойно, никаких проблем у него не возникает... Но мы можем сделать так, что возникнут. Для начала своих аудиторов направим. Это все?

– Нет. Тут новая партия товара появилась.

– От латиносов?

– Вот-вот. По тому самому каналу. Надо бы рассовать. Да только Москва столько не переварит. Если все задвинуть даже оптом – обвалим на хрен весь рынок. Нам же будет хуже. Надо срочно искать новые каналы сбыта.

– Я тоже об этом думал, – Дюк с улыбкой смотрел на любимого Байрама. – Видишь, как получается: и трафик хороший, и рассовать некуда. Можно было бы куда по провинции... Да только там свои люди в этой теме пасутся. Ладно, придумаем что-нибудь, – бросил он. – Да и ты, Санёк, по своим каналам пошустри. А то за что я тебе столько бабла плачу?..

* * *

Сунув мобилник в карман, Заика притормозил, выщеливая место для парковки. Он уже опаздывал: деловая встреча с подчиненным была назначена на десять утра. Места для парковки не было – как и обычно в центре Москвы. Пришлось загонять тачку просто на тротуар.

В охранной фирме, возглавляемой Алексеем Зеленцовым, Саша Заикин был вторым после хозяина человеком. В последнее время Дюк все чаще поручал Заике наиболее рискованные дела. И хотя Саша имел с этого немало (и столько же еще воровал), он, в свою очередь, старался переложить эти дела на других подчиненных...

Выйдя из лимузина, Заика сунул в рот зажженную сигарету и едва не сбил с ног черно-волосого молодого мужчину прямо на ступеньках кафе.

Это был Вадим Стародубцев. В крапленой колоде дюковской охранной фирмы он занимал место, приблизительно равное козырному валету. Бывший армейский разведчик, уволившийся из армии по принципиальным соображениям (а таковых у Леши работало немало), Стародубцев прививал окружающим строгую дисциплину и чувство ответственности, за что и был ценим. И хотя Дюк недолюбливал бывшего офицера, он отдавал должное его профессионализму, пунктуальности и организаторским способностям. В фирме работали и спортсмены, и недавние менты, и прочие не склонные к дисциплине люди, которых следовало держать в постоянной узде.

– Вадим? Извини, что опоздал, никак Дюку не мог прозвониться, – бросил Заика, заходя в кафе. – А там дело было срочное.

Вадим уважительно поздоровался. Спустя несколько минут молодые люди сидели в пустом зале.

– Ну, а у тебя что? – спросил Заика, попивая кофе. – Только быстро, времени нету.

– Слушай, Саша. Тут с Сокольниками возникла одна неприятная история.

– Ты про тот дом, что на расселение? Так мы те «квадраты» уже почти загнали. Весь дом подписал согласие. Быдло бы по-быструхе за МКАД расселить – и порядок. Мы же и в мэрии, кого надо, подмазали, и в техслужбах... А что произошло-то хоть?

– Не получается пока их расселить. Там все вроде нормально; действительно, всех почти уломали, да в одной квартире оказался какой-то синий. Ну, типа зоновский авторитет, татуированный с головы до ног. Одному нашему сильно порезал бритвой лицо. Это еще полбеды. Так он еще и стволы забрал, которые зарегистрированы на нашу фирму. Не дай бог, кого из них потом застрелят. Мусора к нам прибегут, дежурной взяткой не отмажешься. Всю жизнь будут нас доить...

Явно озадаченный услышанным, Заика нервно потеревил мочку уха, а затем промолвил:

– Опять эти блатные. Стреляют их, стреляют, а они как грибы под дождем сквозь землю прорастают. И время уже другое, не девяностые... Прошло уже их время. Так, Вадим, кто из бойцов потерял стволы?

– Клим со своими бойцами.

– И что?

– Оправдываются. Говорят, что там раньше только старушка божий одуванчик жила, и ее почти уломали. А этого, с лагерными татуировками, раньше никогда в квартире не видели. Вроде освободился недавно или что-то вроде того... Очень наглый, сразу бритвой в лицо. Потом еще какие-то две уголовные рожи нарисовались, одна другой страшнее. Со своими стволами. Короче, непруха такая... Обосрались наши ребята. Слушай, а может, тот, который с наколками, – серьезный зоновский авторитет?

Физиономию Заики исказила брезгливая гримаса. Допив кофе, он заметно повысил голос:

– А хоть бы даже законный вор, так у него что – два сердца, бронированная грудина? Или еще и запасная голова имеется? Пуля, она ведь никогда не делает различий между авторитетами и подзаборными задрыгами. Забыл, как Глобуса вальнули? Сильвестра, Вахо, Расписного, Сибиряка... и всех остальных? Те небось поавторитетней были! Ты что, Вадька, не понимаешь – кончилось время этой блатоты! Сейчас другое время наступило – наше. Мы – серьезная фирма, а они кто? – Порученец Дюка распался все больше и больше. – Это еще лет пятнадцать назад модно было считаться крутым и блатным, пальцы перед барыгами гнуть и всех по «понятиям» строить. Сейчас все решается через бабло и связи. Нету больше никаких лагерных «понятий», и не будет!

– Только не надо на меня наезжать. – В голосе Вадима зазвучали стальные нотки. – Ты ведь знаешь, что я плевать хотел на всех блатных вместе взятых. Я вот думаю, как нам стволы вернуть? Можно, конечно, с ним поговорить. Может, он и сам отдаст...

– Как же, разбежался он, – прервал Заика, – в этой жизни никто ничего сам не отдает. Если не заберешь, так и будешь ходить с голой жопой. Да что я тебе рассказываю, ты не хуже меня это знаешь.

– Так что будем делать? Грохнуть его, что ли? Или каких прикормленных ментов натравить?

– Подожди, подожди... не гони гусей. На курок нажать большого ума не надо. Менты теперь жадные пошли, много хотят. А вот этих придурков, которые свои волены посеяли, наказать надо. Пару месяцев пусть посидят без бабла, а то знают только, как телкам под юбки

залезать да тачки дорогие бить по обкурке. Шмалью под завязку натрамбуются – и давай из себя крутых строить перед телками на Тверской или в ночных клубах! А с эзком вонючим справиться не могут. Машины у них забери и бабла пока не давай. Вообще ни копейки.

– А как им без тачил по делам мотаться? – попытался возразить Вадим. – На них столько дел завязано, а тот пацан порезанный и так пару недель в больнице проваляется. Те же Сокольники... У нас еще несколько хороших объектов.

– На метро пусть поездят, – буркнул Заика, в душе не веря, что помощник его послушает, – пусть купят на свалке какие-нибудь сраные «Жигули». Будет им впредь наука.

Зная вздорный характер Заики, собеседник промолчал, однако про себя решил сделать по-своему. Людей и так в охранной фирме не хватало, а начни зажимать болты, они все разбегутся по другим конторам.

Впрочем, Саша Заика тоже это прекрасно понимал. Кипеш он поднял лишь по одной причине – лишний раз показать власть.

С тех пор как Заика плотно связался с Дюком и наладил серьезный канал для поставки в Москву латиноамериканского товара, ему некогда было заниматься мелкой текучкой. Рейдерские наезды, хитроумные комбинации с недвижимостью, вышибание долгов по заказам банков и все остальное вменялось Вадиму Стародубцеву, старому товарищу, с которым Саша когда-то учился в военном институте.

Несмотря на кажущуюся суровость Стародубцева, им было довольно легко управлять: у Вадима подрастала младшая сестра Аня, которую тот безумно любил. Росли они без родителей (погибли в авиакатастрофе), и Вадим, перспективный офицер, ради воспитания сестры пожертвовал будущей карьерой. Так что Заика вполне мог дербанить главную наркотическую жилу и в случае малейшего неповиновения мягко напомнить бывшему однокурснику про сестру-малолетку. И уж в случае каких-нибудь непоняток, как, например, недавней, с Сокольниками, Стародубцеву можно было зарядить: мол, а ты помнишь, Вадька, когда у вас с малолетней сестрой совсем бабла не было – кто вас подкармливал? То-то, сиди и не рыпайся.

– Ладно, Саша, погорячились, и хватит, – Вадим допил кофе. – Что с блатным-то тем делать? Можно, конечно, наехать... а вдруг он действительно серьезный человек?

– Мать серьезного человека никогда бы не жила в такой халупе, как ты рассказывал, – напомнил Заика, прикидывая, какими неприятностями может грозить лично ему знакомство с загадочным татуированным блатарем и как отреагирует на все это Дюк.

– Ну, мало ли что... – засомневался Стародубцев. – Может, с Дюком посоветоваться?

– Почему именно с Дюком?

– Он вроде тоже... вор в законе. Или что-то вроде того. Ты как-то вскользь обмолвился, но я в этих зонавских «понятиях» не разбираюсь. Ну, и с блатными разными Леша тоже ведь отношения поддерживает, на его дне рождения сам видел!

– Вот ты с Дюком этот вопрос и перетрешь, – прищурился Заика. – Договорились?

Ни Вадим Стародубцев, ни Саша Заика даже не догадывались, что Дюк, хотя и числится вором в законе, на самом-то деле является типичным «апельсином», то есть человеком, купившим воровскую корону за деньги.

Произошло это лет десять назад, когда статус «законного вора» был еще значительным и мог сильно помочь в бизнес-разборках. Стоило это Дюку немало – около полутора миллионов долларов, которые он якобы внес в «общак», но на самом-то деле эта единоразовая оплата была своего рода взяткой кавказским ворами, «короновавшим» его. И хотя Дюк наверняка уже несколько раз пожалел об опрометчивом желании котироваться в качестве «законника» (времена действительно очень изменились), обратного пути у него наверняка не было. Конечно, о своей «короне» он особо не распространялся, однако при случае мог как бы невзначай подчеркнуть, что имеет в криминальных кругах самый высокий статус.

– Значит, так, – подвел Заика черту под разговором. – Насчет Сокольников – пусть Лешка окончательно все решает. Насчет стволы решай сам – или по-хорошему с тем татуированным переговорить... ну, бабла ему сунуть или чего там. Или не по-хорошему. Кстати, как там твоя сестра? Видел ее недавно.

– Учится, – уклончиво ответил Вадим.

– Вот и хорошо, что учится. В каком она уже классе?

– В восьмой перешла.

– Выучится – тоже к Леше пойдет работать, секретаршей! – коротко хохотнул Заика, и в этом смешке Стародубцеву явственно послышался нехитрый подтекст: мол, помни, кому обязан!..

Глава 3

– ...слушаем и запоминаем. Первое – никакой стрельбы. Второе – открытой связью пользоваться только в исключительных случаях, вы ведь сами знаете, как и кем фильтруется московский эфир. Третье – обязательно отключить все мобильники, в том числе и служебные. Четвертое – брать объект только в подъезде, ни в коем случае не на улице. Сделать это следует предельно тихо. Если обстоятельства не позволят это сделать тихо, в силу вступает «план Б»...

Стоя во дворе Сокольнического райотдела Федеральной службы безопасности, майор Тимошин отдавал последние распоряжения группе захвата. Оперативный план вроде бы не имел изъянов, однако в условиях мегаполиса всегда могут произойти неожиданности, и потому Тимошин несколько волновался. Да и клиент, которого предполагалось задержать, был довольно неожиданным для фээсбэшников.

– Слушаем дальше. – Майор скользнул взглядом по экипажу, стоявшему у серой «Ауди» без особых внешних примет. – Перед тем как первая группа рассредоточится для перехвата объекта, вторая должна оперативно осмотреть все чердаки, подъезды и места, с которых может вестись огонь. Вся связь нашего объекта на контроле, в случае форс-мажоров сообщу дополнительно. Все понятно?

– Так точно! – ответили оперативники.

– Сверяем часы... Сейчас девять часов сорок две минуты. Ну, с богом...

Спустя несколько минут из ворот райуправления с небольшими интервалами выехали три автомобиля без опознавательных знаков. Головной автомобиль взревел сиреной – попутные машины шарахнулись в сторону.

Путь оперативников лежал в сторону Сокольников...

* * *

Фомин проснулся от шума дождя. Капли гулко барабанили по жестяной обкладке наружного подоконника, хаотично стекали по запотевшему стеклу. Скинув одеяло, Монах подошел к окну. Глядя сквозь влажные стекла, он отчетливо ловил себя на мысли, что тут чего-то не хватает... Но никак не мог понять, чего же именно. И наконец понял: впервые за столько лет на рамах не было металлических решеток, по улице не брели шеренги арестантов в черных робах, а ездили блестящие лимузины, которые вор видел на зоне лишь по телевизору...

Там, в лагерной жизни, все было привычно и предсказуемо. Жизнь катилась по размеренной колее, и колея эта даже нравилась многим арестантам. Старый урка почему-то вспомнил об очень уважаемом блатаре, оттянувшем в его отряде двадцать два года. Уже имея на руках справку об освобождении, он прямо в прилагерном поселке ограбил винно-водочный отдел магазина, выпил всю водку и тут же сдался подоспевшим ментам. Многие тогда задавались вопросом: для чего этот уважаемый человек с огромным жизненным опытом поступил столь опрометчиво? Зачем было выставлять магазин сразу после откидки, да еще в поселке, населенном вертухаями и лагерными операми? Фомин, как «смотрящий» зоны, тоже этого не понял. И лишь после повторного суда, когда неудавшийся грабитель вновь пошел на привычную шконку и успокоился, до Монаха наконец дошло: этот блатарь страшно боялся свободы и потому предпочел мотать срок до конца жизни в привычных ему условиях...

Размышления Фомина прервал звонок в дверь. Быстро одевшись, урка открыл. На пороге стоял нестарый еще мужчина в роскошном костюме, лицо которого показалось на удивление знакомым...

– Валера? Ну, привет...

– Извините... вы вообще кто? – Фомин изучающе смотрел на гостя, явно не узнавая.

– Ты что – совсем память потерял? Мы же в одном классе когда-то учились, три года за одной партой. Ты еще пацанам из параллельного за меня физиономии корректировал. Мы и после школы дружили, пока ты в девяностом не сел. Мне тут сказали, что ты наконец освободинся, вот я и решил навестить... Неужели забыл?!

– Гладенький? – не поверил Монах. – Ну, здравствуй...

Игорь Гладышев действительно был его другом детства. Несмотря на огромную разницу характеров, мировоззрений и образа жизни, Гладышев и Фомин всегда симпатизировали друг другу. Малолетнему уркагану imponировала начитанность Игорька, его старомодная порядочность и готовность в любой момент прийти на помощь. Чистенькому школьнику отпетый хулиган Фомин казался героем; ведь он мог делать такие вещи, на которые у Игорька просто не было силы духа и выдержки.

Глядя на Игоря, Монах невольно поразился, как же изменился его школьный приятель, фантазер, рисовальщик фрегатов и победитель всех математических олимпиад. Теперь это был солидный господин с выпирающим брюшком и ранними залысинами.

– Какие планы на сегодня? – Войдя в квартиру, Игорь осмотрел более чем спартанскую обстановку и неопределенно хмыкнул.

– Пока никаких. Отдыхаю после отсидки за колючим орнаментом, – уклончиво ответил хозяин. – А у тебя какие-то предложения?

– Можно было бы ко мне смотаться, посидеть, отдохнуть, – улыбнулся Гладышев.

– К тебе – это куда?

– На Рублевку. У меня там небольшой коттедж.

Конечно же, Монах прекрасно знал, что теперешнее Рублевское шоссе – не столько место жительства, сколько идеологический символ, и потому искренне удивился:

– У тебя там дом? Чем же ты занимаешься, Гладенький?

– Я банкир, – невозмутимо ответил тот.

– Ты смотри... Капиталист, значит?

– Называй как хочешь. Но мне мой бизнес нравится. По крайней мере, будет что детям отставить.

– Да рано тебе еще о смерти-то думать!

– Как сказать... Времена такие теперь пошли, что ни в чем нельзя быть уверенным. Раньше, в девяностые, были почти исключительно бандитские «крыши». Тогда все было просто и понятно: ты отстегиваешь, тебя не трогают. А теперь – и лубянские, и ментовские, и кремлевские... Про разные подводные камни и говорить не хочется. Сам, наверное, уже знаешь.

Пока Гладышев сокрушался о временах и нравах, Монах заварил дегтярной черноты чай.

– А ты кому платишь? – без обиняков поинтересовался он. – Ну, «крыша» какая? Менты, бандиты или гебье?

– Я, честно говоря, и сам не знаю, кто они. – Игорь взял чашку и благодарно кивнул. – По всем прикидкам вроде бы как бандиты. Охранная фирма, лицензия на оружие и все такое прочее. Так и в девяностые было. Но это уже не те бандиты. Что-то у них там нечисто. Видимо, волосатые руки где-то совсем наверху. И дербанят они меня по-черному.

– Ты ко мне за этим пришел? – прищурился Монах.

– Нет. Ты сам меня спросил. Да и просто встретиться захотелось. Давно же не виделись.

– Ладно, придумаем что-нибудь, – кивнул вор. – Ты вот что... Устрой мне как-нибудь встречу с твоей «крышей». Интересно взглянуть, что за ботва...

– Спасибо, Валерка, – благодарно улыбнулся банкир. – Только прошли те времена, когда ты мог заступиться за меня перед другими мальчишками, размахивая направо и налево кулаками.

– Это будет просто разговор, – настойчиво гнул свою линию авторитет. – Считаю, что у меня такой профессиональный интерес. У тебя ведь тоже... Как старшого зовут из твоих «крышных»?

– Леша Дюк. Он же Алексей Зеленцов.

– Ты смотри! – Монах искренне удивился совпадению, однако ничем это не высказал. – Прекрасно его знаю. У нас на зоне сидел, в девяносто седьмом «откинулся», кажется. И пропал, с концами. Кажется, он московский. Обожди-ка...

Набрав номер Бура, Фомин поинтересовался, как и когда можно выйти на Дюка.

– Сейчас Дюк довольно известная на Москве личность, – отозвался тот. – Соскучился, пахан, что ли? Так могу с его пацанами хоть сегодня созвониться. На какой день договариваться?

– Спроси, когда ему удобно. Человек-то занятой, понимаю... – прищурился вор.

– Понял. Кстати, я тут к тебе собрался. Через полчаса буду. Выходи прямо к подъезду.

– Так что, Игорь, договорились. – Авторитет принялся переодеваться, давая таким образом понять, что разговор закончен. – Ты по своим каналам тоже скажешь своим «крышным»: мол, есть такой Валера Монах, к вам небольшой базар имеет. Только не говори, что ты мой старый товарищ и что я – вор. И не сейчас, а когда я тебе скажу. Идет?

Встав у окна, Валера смотрел, как от его подъезда отчаливает огромный пуленепробиваемый лимузин с джипом охраны. Странно было осознавать, что этот зачуханный «ботаник» Гладышев, у которого Фомин списывал алгебру и которого защищал от местных гопников, ездит теперь на такой машине...

Время поджимало – Бур должен был появиться с минуты на минуту. Спускаясь по лестнице, Монах скользнул равнодушным взглядом по неприметным мужикам в оранжевых робах коммунальчиков. Склонившись у подоконника, они сосредоточенно ремонтировали батарею. Уже спускаясь, Фомин ощутил явственный толчок под колено и невольно потерял равновесие, а когда сообразил что и к чему, руки его резким рывком завели за спину, и на запястьях защелкнулись наручники.

Первый «коммунальщик» грамотным движением подогнул скованные руки пахана чуть наверх, второй извлек из кармана алую сафьяновую корочку:

– Федеральная служба безопасности, московское управление. Гражданин Фомин Валерий Николаевич, вы задержаны. Спокойно, спокойно... Поговорим и, возможно, отпустим.

Уже по пути к гэбэшной машине Монах поискал глазами «Хаммер» Бура – было бы очень некстати, если бы пацана загребли вместе с ним.

– А вашего друга мы задержали еще пять минут назад, – улыбнулся один из «коммунальчиков». – Они уже по дороге на Лубянку...

* * *

Фомин никогда прежде не бывал на Лубянке. Старые лагерники, сидевшие еще в восьмидесятых годах во «внутрянке», то есть гэбэшной тюрьме, рассказывали, что порядки там много лучше, чем в МУРе. И оперативники со следаками чуток покультурней, да и внешней законности побольше. А уж Лефортово, знаменитая фээсбэшная тюрьма, – так вообще рай, если сравнивать с Бутыркой или Матросской Тишиной. Однако Монаху от этого было не легче. Попадет он в привилегированную тюрьму, не попадет... Какая разница! Больше всего беспокоила судьба Бура.

Да и что понадобилось от него Конторе?

Кабинет, куда его отконвоировали, выглядел вполне стандартно: портрет президента на стене, государственный триколор на столе, стол с селектором и компьютером, неприметный

сейф, неброская мебель... Так мог смотреться любой начальственный кабинет МУРа, если бы не ритуальный бюстик Дзержинского.

– Закуривайте, – вполне доброжелательно предложил хозяин офиса, немолодой мужчина с жесткими серыми глазами и волевым подбородком.

– Не курю, – Фомин демонстративно отвернулся.

Тот пристально взглянул на собеседника:

– А вот врать нехорошо. Вы курите. Причем предпочитаете папиросы. Выкуриваете полторы пачки в день. Валерий Николаевич, мы ведь знаем про вас абсолютно все. Или почти все. Фомин Валерий Николаевич, одна тысяча шестьдесят третьего года рождения, москвич, судим за кражи и умышленное убийство, вор в законе по кличке Монах, сын умершего вора, также в законе, Паука. Дальше продолжать?

– Все верно. А вот о тебе, начальник, я ничего и не знаю, – парировал Монах невозмутимо. – Может, тоже назовешься для приличия?

– Полковник Шароев. Зовут Олег Александрович. Для вас, гражданин Фомин, этого достаточно.

– Неужели вражеского шпиона во мне подозреваете? – едко подначил уркаган.

– Нет, нам просто стала интересна ваша личность. – Шароев закурил, откинулся на спинку кресла и взглянул на собеседника так, словно бы рассматривал его через микроскоп. – Не скрою, мы уже создали ваш психологический портрет... На всякий случай. По правде говоря, в последнее время у нас не было опыта общения с людьми вашего круга, а обращаться к коллегам из МВД я посчитал лишним. Во-первых, у них сразу появится нездоровый интерес к вашей персоне, а во-вторых, у них слишком длинные языки. Да потом, люди, подобные вам, милицию на дух не переносят. В глубине души я подозреваю, что и общение со мной не доставляет вам, Валерий Николаевич, никакой радости. Правильно говорю?

– Чего ж мне радоваться, – ответил Монах, – когда сперва дышалку забивают, затем клацают «браслетами», а после всего предлагают закурить, пересказывают мою биографию и вообще заводят разговор по душам. Я-то понимаю, зачем меня сюда в «цацках» привезли, а не по повестке выдернули: чтобы лишнего страху нагнать. Так вот, не получится. Пуганый уже. Короче, гражданин начальник, или толкуй, чего тебе понадобилось, или отправляй на хату. Между прочим, я еще ни разу в Лефортово не был, говорят, там у вас неплохо кормят, да и условия получше, чем в других местах.

Дебют беседы остался за Фоминым. Но это был всего лишь дебют...

– Только не надо изображать из себя идиота, – нисколько не раздражаясь, произнес полковник. – Как будто я не знаю, что для вас и в Бутырке, и в Матросской Тишине, и даже у нас в Лефортово создадут все необходимые условия, не хуже, чем на воле. Потом, никто не собирается вас сажать независимо от результатов нашего разговора. Сразу после беседы вас доставят туда, куда вы сами пожелаете.

Фомин сидел, насупившись. Тонкие его губы были сжаты плотно, словно кирпичи в стене. Хотя Шароев и выглядел внешне доброжелательно, от него в любой момент можно было ожидать даже куда большей подставы, чем от рядового оперативника МУРа. Этот комитетчик, с его плавными движениями, мягкими жестами, вкрадчивым голосом, приковывал к себе внимание как удав.

– Давайте все-таки сменим тон, – вполне доброжелательно предложил Шароев. – Поверьте, зла вам тут никто не желает. Вы не в милиции, а мы не живодеры из райотдела.

– «Не надейтесь на князи, на сыне человеческие, – процитировал Монах. – И почести их, и гнев их – проходят». А в этом доме у меня друзей нету и никогда не было.

– Но и врагов тоже не наблюдается, – парировал полковник. – Во всяком случае, пока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.